

Г

Г

Г

Г

Г

Г

Г

Ухрония

Эммануэль
Каррер

Ad Marginem

К

К

К

К

К

К

К

Е

Е

Е

Е

Е

Е

Е

В

В

В

В

В

В

В

Эммануэль Каррер

Ухрония

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73958742

Ухрония:

ISBN 978-5-908038-69-0

Аннотация

В 1980 году Эммануэль Каррер (род. 1957), будущий признанный французский писатель и сценарист, выбирает темой диплома ухронию – реконструкцию истории, основанную на изменении определенной точки в прошлом. Рост популярности этого жанра автор связывает со всё более агрессивным вторжением виртуального в реальный мир и углубляющейся меланхолией: фальсификация истории оказывается для мечтателя способом воплотить свой «правильный» сценарий развития событий.

Эссе, впервые опубликованное в 1986 году издательством P.O.L. под названием «Берингов пролив» и дополненное в 2025-м, исследует феномены альтернативной истории, предопределенности и свободы воли, а также роль вымысла в формировании индивидуальной и коллективной памяти.

Сводится ли история к сумме причинно-следственных связей? Есть ли у нее план, и можно ли его изменить? Вводя читателя в причудливый лабиринт, где переплетаются литература, философия, теология, лингвистика и личные парадоксальные

размышления, Каррер предлагает задуматься о роли случая в истории и о последствиях нашего выбора – как изменился бы облик мира, если бы нос Клеопатры был короче, а Пилат помиловал бы Христа?

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

45 лет спустя

6

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Эммануэль Каррер

Ухрония

Uchronie © P.O.L Editeur, 1986 and 2025 for the new edition

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

45 лет спустя

1. В 1980-м я изучал историю в Парижском институте политических исследований, и, поскольку впереди маячил диплом, темой я выбрал ухронию, в глубине души надеясь, что в этом мифическом предмете мне не составит особого труда превзойти в знаниях экзаменационную комиссию. Если не считать энциклопедистов научной фантастики Жака ван Херпа и Пьера Версена, в ту пору в этом никто не смыслил. Такого слова даже не было в словарях. В картотеке Национальной библиотеки между Ушоном¹ (Сона-и-Луара) и Уканге² («Исторические исследования») зияла пустота. Никакой библиографии, ни единого справочника; меня охватила легкая эйфория при мысли о собственном величии: такой справочник пишу я! Спустя несколько лет родилось эссе, которое сейчас перед вами. В нем я призывал будущих исследователей к более основательным изысканиям, но делал это чисто риторически, заранее смирившись с тем, что ухрония навсегда останется маргинальным жанром – без читателя, без признания, а главное, без будущего.

2. Но я жестоко ошибался. Вся литература по теме, ко-

¹ Коммуна в Бургундии; департамент Сона-и-Луара. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.*

² Коммуна с богатым историческим прошлым в департаменте Мозель.

торую мне тогда с грехом пополам удалось найти, состояла из двух-трех десятков названий, и я, конечно, подозревал: кое-что выпало из моего поля зрения, но не мог и представить, что через сорок пять лет список вырастет в сто, тысячу, сотню тысяч раз – наберите «ухрония» в строке поиска, и вы тут же получите 477 000 результатов. У меня такое чувство, будто давным-давно я пешком пробирался по незнакомой местности с криво нарисованной от руки картой, а теперь мчусь там же за рулем мощного автомобиля с навигатором. Но больше меня удивляет даже не то, что этот девственный край теперь лучше размечен, а то, насколько он застроен. Я был готов найти старые незнакомые мне тексты, а вместо этого обнаруживаю огромное количество новых и прихожу к выводу, что ухрония сегодня не просто на слуху – она превратилась в живой, модный жанр. Такая популярность наводит на размышления: почему же этот жанр пускает корни и процветает в наши дни? Рискну высказать две гипотезы. Первая такая: казалось бы, невинная игра разума, в глубинной сути своей ухрония – дитя меланхолии, а меланхолия в нынешних обществах неуклонно расширяет свои владения. А вот и вторая: ухрония неустанно вращается вокруг того момента неустойчивого равновесия, когда виртуальное становится реальным, а сам этот момент всё труднее и труднее уловить. Его всё труднее и труднее уловить в мире – если по-прежнему можно говорить о мире, – где то, что мы договорились называть реальным, всё чаще скрывается

за множащимися в геометрической прогрессии репрезентациями, симулякрами, альтернативными версиями и где такой вышедший напрямик из Филипа К. Дика персонаж, как Илон Маск, может хладнокровно заявить: шанс, что мы живем в *базовой реальности*, один на миллиарды. Боюсь, тут он прав. Ухрония и ее двоюродная сестрица дистопия набирают вес как инструменты познания, причем не собственных воображаемых царств, а той самой реальности. Они подводят нас к тому, что всё может произойти, больше того, *всё и так происходит* – одновременно, в каждый миг, бесконечно, – а значит, мы существуем сразу везде и нигде.

3. В одном из своих блестящих пассажей Клеман Россе разбирает фразу из Малькольма Лаури. По обыкновению пьяный, консул – герой романа «У подножия вулкана» – неверным шагом бредет под руку со своей бывшей женой Ивонн. «Так или иначе, они как-то двигались дальше», – пишет Лаури. В оригинале: «Somehow, anyhow, they moved on». В этой вроде бы невинной фразе Россе³ раскрывает «глубочайший парадокс, который относится не только к тому, как двигаются люди, пьяны они или нет, но и к состоянию всего на свете. <...> Не существует никакого «так или иначе» (*anyhow*), которое не воплотилось бы в «как-

³ Клеман Россе (1939–2018) – французский философ и писатель, чья главная тема – «реальное» как единичное в противопоставлении тому, что воспроизводится и повторяется.

то» (*somehow*), то есть именно в то, что вовсе не является неизвестно чем, неизвестно каким способом, но только данной реальностью и никакой другой, только данным способом существования и никаким другим. Никакой случай не избавит случайное от необходимости, в силу которой его бытие обретает именно эту форму и никакую иную. <...> Назовем *незначительностью реального* это присущее любой реальности свойство – быть всегда и случайной, и детерминированной, всегда *somehow* и *anyhow*: так или иначе, как-то» («Реальная действительность. Трактат об идиотии», 1977).

4. То, что говорит Росселл, не только верно, но и очевидно, и одна из самых благородных задач философии состоит в том, чтобы открыть нам глаза на подобные очевидности. Я еще не читал его в то время, когда писал этот небольшой очерк; в конце я выражал желание – Росселл наверняка бы его поддержал – «оставить ухронию, параллельные вселенные, неотвязно преследующее их сожаление и отважиться на путешествие в реальный мир». Я говорил тогда только за себя, никого не неволю и всё же не сверну с этого пути; с годами лично мне становится чуть проще им следовать. Постоянно обращать внимание на бесчисленные развилки жизни, лелеять ностальгию или содрогаться от ужаса перед своими параллельными существованиями, куда увлекает нас роман и его версия в квадрате, ухрония, – всё это, конечно, стимулирует воображение. Но ведь это признак юности, желание

всегда оставлять для себя выбор открытым. Один из плюсов взрослой жизни – нет, я не оговорился – в том, что особенно выбирать уже не приходится. Мы прошли достаточно долгий путь, чтобы не думать о других возможных дорогах. Знаем, что нужно делать, и мало-помалу замечаем, как решения принимаются сами собой, без раздумий и сожалений. Лично мне так нравится больше, я стараюсь продолжать начатое сорок лет назад – а именно усмирять в себе любителя мелких забав и глубокой печали. Можно называть его по-разному, я назову – ухронист: тот, кому не надобны ни время, ни работа, кто желает, чтобы всё было возможно и ничто не сбывалось, тот, кто говорит «нет», и в этом его величие.

В начале XX века Джованни Папини ратовал за то, чтобы открыть в университетах кафедру игноретики – науки о том, чего мы не знаем. Если бы к нему прислушались, сегодня ухрония была бы изучена куда лучше.

А пока она ждет своего часа. Само слово почти не используется. Специалисты по научной фантастике время от времени вспоминают о нем, историки – почти никогда; и если «Ухрония» числилась в Большом словаре Ларусса XIX века, то из нынешнего издания ее убрали. Французский философ Шарль Ренувье придумал это слово в 1876 году по лекалу «Утопии», имя которой за триста шестьдесят лет до этого дал лорд-канцлер Англии Томас Мор, обрекши ее на много более славное будущее. Таким образом, «ухрония» – от гре-

ческого *ou-chronos*: не-время, время, которого нет, – вторит «утопии» – *ou-topos*: не-место, место, которого нет. На место, то есть на город, законы, нравы, которые существуют лишь в сознании недовольных правоведов или урбанистов, наслаивается время, которым также управляет прихоть, то есть вымысел. Однако отрицательная приставка вводит в заблуждение, а аналогия между этими двумя приемами менее очевидна, чем кажется.

Основополагающий труд Ренувье под названием «Ухрония» снабжен двумя подзаголовками; один хороший, другой не очень. Первый дает ясное определение предмету, который я хотел бы разобрать: «Апокрифический очерк пути развития европейской цивилизации, которым она не последовала, но могла бы последовать». Вот о чем идет речь: об истории, которая могла бы пойти другим путем.

Менее удачным подзаголовком – «Утопия в истории» – я часто пользовался, чтобы объяснить, чем занимаюсь («Ну, в общем, ухрония – это как утопия, но про время». – «А, да?»), но тут есть вопросы.

Представим себе человека, который недоволен своим городом. Несколько столетий назад он мог тешить себя мыслью о том, что существуют в мире города получше, где остается еще много неизведанного. Почти все классические утопии используют один нарративный прием: маскируются под описание странствий. На далеком острове, которого нет на карте, мореплаватели обнаруживают идеальную республику.

Это Утопия. Но Томас Мор, создавая новое слово, предупреждает и обескураживает нас: не надо строить иллюзии, совершенного государства не существует.

Если же, изучив наконец поверхность земного шара и убедившись, что нет такого места, где дела бы шли сильно лучше, чем дома, нам всё-таки хочется продолжать делать вид, что идеальный город существует, – пусть даже ради примера, – остается два выхода. Раз его нет на Земле, значит, он может быть где-то в другой галактике. Раз его нет в настоящем, значит, он может быть где-то в другом времени. Например, существовал в прошлом – вспоминают золотой век. Или появится в будущем – утопия превращается в фантастику. Ни одно из этих утверждений формально не противоречит тому, что мы знаем о своем мире. Никто не настаивает на том, чтобы два миропорядка существовали в одном пространстве-времени. Там, где-то, достаточно места, зачем покусаться на *статус-кво* между реальностью и вымыслом.

Настоящая угроза возникает, когда, например, в 1985 году какой-нибудь парижанин, вместо того чтобы сказать, что всё было к лучшему⁴ в античной Греции, всё будет к лучшему в 2985-м, всё к лучшему у папуасов, китайцев или марсиан, описывает общество, радикально отличающееся от того, где он живет, и отвечающее его представлению о лучшем –

⁴ Отсылка к реплике Панглоса, персонажа философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм», «Всё к лучшему в этом лучшем из миров» (пер. Ф. Солугуба).

или худшем, без разницы, – и заботливо датирует свою картину, сообщая нам, что это Париж 1985 года. Вот это уже скандал: мы попадаем в Ухронию.

Нас приводит туда досада другого свойства. Наполеон проиграл Ватерлоо и умер на острове Святой Елены. Это невыносимо – по крайней мере, для ухрониста, – и мы до сих пор пожинаем последствия этой трагедии. История допустила явный промах, необходимо его исправить. Вычеркнуть случившееся, заменить на то, что *должно* было произойти (если во имя убеждений мы готовы преподать провидению урок) или *могло бы* произойти (если ограничимся мысленным экспериментом, без фанатизма).

Задача утопии в том, чтобы изменить существующий порядок или, по крайней мере, наметить план такого изменения. Это вовсе не безрассудно; этому занятию, хоть и очень по-разному, предаются и те, кто создают цивилизации, и те, кто грезят об их лучших версиях, поверяя свои мечты бумаге. Задача ухронии – ее скандальный замысел – в том, чтобы изменить прошлое.

Это плод довольно любопытной и вместе с тем банальной навязчивой идеи. Фантазировать о том, каким был бы мир, если бы в некий поворотный момент события пошли бы по другому сценарию, – одно из самых естественных и привычных упражнений для человеческой мысли. В общем и целом более естественное и привычное, чем строить воображаемые идеальные города. Это неиссякаемый источник бесконечных

пересудов за кофе в местной забегаловке на тему, что теперь было бы, если бы... (как правило, было бы, конечно, лучше). Готов поспорить, что пещерный человек, вернувшись с неудачной охоты, уже предавался мечтам о том, что было бы, если бы охота удалась (для начала я бы сегодня поел). В конечном счете все поговорки типа «если бы да кабы» выдуманы, кажется, для того, чтобы притормозить эту всеобщую мыслительную склонность.

Чудо в том, что тормоза, похоже, сработали. Может, интеллектуальная лень, а может быть, табу не дали систематическому экспериментированию в этой области стать полноправным литературным жанром. В отличие от утопии, – и тут есть здравый смысл: всегда полезно задуматься над устройством городов или гражданским образованием, но столь же глупо сожалеть о том, чего не случилось. Аристотель в категоричной форме заявляет: предающийся подобным рассуждениям «мыслит, как растение».

И на самом деле мы не придаем этому особого значения; ретроспективное мечтание чаще всего не формулируется или не выходит за рамки разговоров. Оно питает словесный поток за барной стойкой, индивидуальный или коллективный, однако стыдливость и ощущение полной бессмысленности предприятия удерживают от того, чтобы изложить всё это на бумаге и опубликовать. И всё же время от времени приступ злости на историю, за то, что она в ключе-

вой момент, как нам кажется, свернула не туда, или тоска при мысли, что наполеоновский план завоевания мира потерпел крах, а Моцарт умер, не дожив до тридцати шести, подбивают на письменный акт протеста против безжалостной необратимости произошедшего. А еще бывает, пылкий ум, склонный к бесплодным абстракциям, развенчанным Аристотелем, пытается рассуждать на тему «что же всё-таки случилось бы, если бы?..» – и исходя из доступных ему данных начинает развлекаться моделированием. В этой небольшой книге я хотел бы рассмотреть несколько примеров такого бунта и таких экспериментов.

Я только что сказал, что каждый хоть раз об этом думал, во всяком случае про себя, и почти никто не пишет ухроний. Но ведь на самом деле мне ничего об этом не известно. Кроме того, что пока никто не взялся за их систематический учет, что нет библиографии по этой теме, что слово отсутствует в предметном каталоге Национальной библиотеки и что сама дисциплина по сей день была частично освоена лишь Жаком ван Херпом (посвятившим ей главу своей «Панорамы научной фантастики»), да Пьером Версеном (глава в «Энциклопедии утопии, необычайных путешествий и научной фантастики»). Так что все мои источники – это несколько разнородных книг, на которые ссылаются эти два исследователя, или же случайно попавшихся мне на глаза; они часто связаны с предметом отдельными деталями сюжета и весьма ограничены во времени и пространстве. Первая

ухрония, обнаруженная Пьером Версеном, относится к концу XVIII века, остальные – к XIX и XX столетиям, при этом я говорю только о французских или англоязычных сочинениях. Невозможно утверждать, что никто не писал ухроний или произведений с элементами ухронии до 1791 года или на других языках. Только для того, чтобы найти, к примеру, португальские ухронии XVI века, если они существуют, нужно прочитать всю португальскую литературу XVI века, другого способа я не вижу. Так что в ожидании более обстоятельных исследований придется довольствоваться вершиной этого литературного айсберга.

Если мыслить *логически*, кажется довольно странным, что ухроний пишут так мало или что они так плохо известны, странно также, что не пишут *об* ухронии. Признаюсь, я испытал ребяческое тщеславие, вообразив себя первопроходцем в неизведанной области знания, пусть и смехотворной. Это тщеславие оттеняла легкая паранойя – вдруг территория уже разбита на квадраты, а я ничего об этом не знаю, и стоит только появиться моей работе дилетанта, как на меня накинется толпа экспертов? Вначале, сомневаясь, но убеждая себя в том, что набрел на жилу, открыл миру большой сюжет, я ожидал от его изучения небывалых откровений. Пусть косвенных, скрытых между строк, из ненадежных источников, но всё же откровений – об истории, литературе, мечтах, которые ими правят. Ведь если на минуту задуматься, ухрония – дело нешуточное. Вопросы, которые она поднимает, –

уж точно нет.

Что определяет человеческую историю? Как люди представляют себе причинно-следственную связь, в чем она заключается? И, собственно, сводится ли к этому история? Есть ли у нее замысел и кто отвечает за его соблюдение? А если есть, можно ли его изменить? Из чего складываются наши сожаления, как плетется узор наших жизней? В воображении уже рисуются Парки и их ловкие пальцы за работой, а пока вопрос поскромнее: что может привнести в столь возвышенные рассуждения десятков старых книжек, написанных авторами романов-фельетонов, учителями философии или отставными вояками, так и не оправившимися после падения империи? Чему может нас научить еще одна книжонка, разбирающая этот скудный корпус текстов?

Ответ: ни-че-му. И доктор Хороб Наим, чьими устами говорит Папини, объясняет нам почему.

«Единожды начав составлять тщательную опись всего, чего мы не знаем, игноретика задается целью распределить неизвестные вещи по двум большим категориям: те, которые с большой вероятностью будут открыты в более или менее отдаленном будущем, и те, которые, вероятно, никогда не станут известны – то ли потому, что касаются абсурдных или неверно поставленных вопросов, то ли потому, что человеческому уму не дано их разгадать».

По этим двум причинам вместе взятым ухрония принадлежит ко второй категории. Всё, на что она способна, – это

превратить свои вопросы в правила игры ума, пустого ностальгического развлечения. Нашлись люди – немного, – написавшие об этом книги; другие, прочитавшие эти книги, – их вряд ли больше; и, наконец, те, кто написал книги об этих книгах – тут, почти уверен, я один. Вторые оправдывают существование первых, а первые и вторые вместе – третьего.

В мире, где мы живем, в истории, узниками которой являемся, ухрония относится к вопросам абсурдным и плохо поставленным. Аристотель прав, называя ее мечтой овоща. Если и читать – то ради сюжета, даже не ради хорошей литературы. Не для того, чтобы узнать что-то о нашем мире, а чтобы проникнуть в ее миры. Чтобы открыть другие цивилизации, другие битвы, другие книги, другие подвиги или другую повседневность. Серьезность исследования не умаляется от того, что его объекту не выпало шанса на существование. Нами движут те же мотивы и ждет тот же результат: бескорыстное познание как форма неспящего удовольствия.

Итак, пусть прошлое – это совокупность всех событий, которые считаются произошедшими на момент, когда ухронист берется за перо; и, пока он пишет, прошлое прирастает добавочными штрихами, груз его давит всё сильнее, и вместе с тем расширяется поле для вмешательства. На этой огромной территории, ограниченной лишь мимолетным настоящим и рамками исторического знания, нужно произвести изменение с далекоидущими последствиями.

Это уточнение существенно. Ведь на самом деле любое

художественное произведение, если это не фантастика, так или иначе вмещивается в прошлое. Любая беллетристика приближается к ухронии, когда в ткань реальных фактов вплетает вымышленные. Битва при Ватерлоо обошлась без услуг Фабрицио дель Донго. Стендаль подбрасывает туда чужеродную песчинку и таким образом преподносит нам иную версию истории – «такой, какой она не была, но могла бы быть». Однако этот потенциальный возмутитель спокойствия, способный устроить серьезный сбой, например повлиять на исход сражения, ведет себя смирно и не нарушает хода известных нам событий.

Но это неважно. Как только мы решаемся тем или иным способом исказить то, что нам известно о прошлом, как только пишем, без задней мысли, что «в первый вторник июля 1927 года молодой человек военной выправки мерил широкими шагами эспланаду Инвалидов», или хотя бы что «маркиза вышла в пять часов» – любую вещь, которой не было или по меньшей мере о которой не известно наверняка, – мы попадаем в сомнительную темпоральность, населенную вымышленными персонажами, и – здравствуй, ухрония. Благодаря осторожности романистов, которые обычно заимствуют у истории, древней или недавней, лишь указания на дату, место и состояние общества, возможных сбоев, как правило, удается избегать. Тревожнее картина в исторических романах, где выдуманные персонажи заявляют к королям, министрам, придворным – в общем, к тем, ко-

го принято считать вершителями истории, чтобы при случае приложить пальчик. Подобные вмешательства размывают границу между историческим романом и ухронией; эту границу я попытаюсь прочертить на классическом примере – истории Железной Маски.

По самой распространенной версии, узник тюрьмы Пиньероль был старшим братом Людовика XIV, Александром, сыном Гастона Орлеанского. В конце «Виконта де Бражелона» у Александра Дюма есть блестящий эпизод, где псевдо Железная Маска, а на самом деле не кто иной, как настоящий Людовик XIV, похищен из своей постели мушкетерами по приказу суперинтенданта Фуке. Тут Дюма обрушивает собственным весом все ступени лестницы, связывающей реальность и выдумку. Существуют откровенно вымышленные герои (Атос, Портос, Арамис, хоть специалисты и забавляются, отыскивая их прототипы). Следы других встречаются в архивах, но их образ достаточно размыт и оставляет автору простор для маневра (д'Артаньян). И наконец, исторические личности, в чьей хорошо изученной биографии слишком мало белых пятен, чтобы можно было заставить их делать и говорить бог весть что (Людовик XIV). Устроить так, что компания первых похищает последнего, – это не просто позволить воображению взять в заложники историю, но и всерьез приблизиться к ухронии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.